

Светлана Павлова-Гончарова

ЧУДЕСНАЯ ПАНАЦЕЯ

Светлана Павлова-Гончарова

Чудесная панацея

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Павлова-Гончарова С. Ю.

Чудесная панацея / С. Ю. Павлова-Гончарова — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Лера больна. Но, может, болезнь дана ей для того, чтобы она изменила свою жизнь и нашла счастье? А вдруг именно любовь, настигшая ее так внезапно, станет той самой чудесной панацеей, которая поможет ей выздороветь?

© Павлова-Гончарова С. Ю., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 2. Сотрудник охраны	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Павлова-Гончарова

Чудесная панацея

Большое спасибо моему мужу Александру, который настоял на том, что эта повесть должна увидеть свет, а не по-прежнему лежать в столе. Еще лет двадцать ...

Глава первая. Что-то не так.

Москва. Нулевые.

Было еще совсем темно: слабый свет пасмурного осеннего дня пока не успел превратить ночную тьму в мрачные сумерки. Было рано, но Лера, открыв глаза, поняла: пора. Она, кажется, еще со школьных времен знала за собой эту особенность – просыпаться за пять-десять минут до звонка будильника.

Она, не вставая, свесилась с кровати и посмотрела на светящиеся цифры будильника. 5.20. Выключив его, чтобы, не дай Бог, не зазвонил в такую рань, Лера снова легла. Максим что-то проворчал во сне и повернулся к ней. "Какой он красивый!" – подумала Лера. С нежной улыбкой коснулась его лица, намереваясь откинуть упавшую на лоб прядь волос.

– Дай поспать, а? – вдруг совсем не сонным, а каким-то чужим, злым голосом, рявкнул Макс. В испуге отдернув руку, Лера снова улыбнулась: ну и дурочка же она! Максик просто видит какой-то тревожный сон – вот и все. не может же он, в самом деле так кричать на нее? Однако, пора было подниматься.

Плеснув в лицо холодной водой, она, стараясь не шуметь, налила воды в чайник и поставила на плиту. Растворимый кофе утром – та единственная роскошь, которую она могла себе позволить. Впрочем, для нее это не было капризом избалованной девицы, а жизненной необходимостью: так как недосыпание стало хроническим, вся ее жизнь превратилась в сплошную борьбу со сном.

Лера быстро проглотила кофе и начала одеваться. Сейчас самое главное – не опоздать. Все дела можно сделать потом, утро только начинается. Ее обычное, сумасшедшее утро.

На улице было холодно и после уютного тепла квартиры ей показалось, что ледяной воздух обжигает лицо. Сильный ветер не давал вздохнуть. Замерев на секунду, Лера нырнула в предрассветную тьму, как пловец в воду.

До элитной восьмиэтажки, где она через день мыла лестницы, было рукой подать. Через пять минут быстрой ходьбы Лера набрала комбинацию домофона и, услышав противный писк, потянула на себя тяжелую дверь.

Тетя Наташа, конечно, еще спала в своем "аквариуме" за стеклянной перегородкой... Нет! Свет горит, значит, сегодня ее снова мучает бессонница, и она что-то вяжет. Или читает очередной любовный роман.

– Здравствуй, тетя Наташ! – приветствовала ее Лера. – Опять не спится?

– А, Лерочка... Да, вот всю ночь мучаюсь...

– Мне бы ваши проблемы! Я вот все время сплю на ходу, – засмеялась девушка. – Я пойду работать, ладно? Время не ждет, – и направилась в свою каморку, которая была отведена ей под инвентарь. А тетя Наташа, глядя ей вслед, вздохнула.

Она никак не могла "прочитать" эту девочку: веселая, приветливая, вежливая – она, тем не менее, никогда не откровенничала. Да что там! Едва речь заходила о ней, отшучивалась и тут же меняла тему. Может, она просто не уверена в себе? Но с чего бы? Учится в институте, стипендию получает – умница, значит. А внешность? Тетя Наташа снова вздохнула, мысленно сравнивая Леру и себя, лет ...цать назад.

Довольно высокая для девушки, Лера обладала стройной и очень пропорциональной фигурой, которые сейчас называли "модельными". Яркие голубые глаза сверкали как звезды, а

волосы... Один раз у Леры сломалась заколка, которой она обычно собирала волосы во время работы в пучок – и каскад тяжелых каштановых локонов с золотистой искрой устремился вниз, достигая середины спины. Красавица, просто красавица! Ей бы для журналов сниматься или по подиуму на каблуках ходить, а не лестницы драить...

– Вот и все – Лера вывела женщину из задумчивости.

– Быстро ты управилась!

– Стараюсь. Иначе просто ничего не успею... Побегу я, тетя Наташ... Дел много. Время не ждет...

– Иди, Лерочка, иди, – тихо ответила та. Что-то не так у девчонки... – почему-то вдруг подумалось ей. Что-то не ладится... А что – непонятно... Тетя Наташа покачала головой снова взялась за книжку.

...Лера, как всегда, не дожидаясь лифта, побежала вверх по лестнице. До своего пятого этажа она всегда добиралась, перескакивая через одну-две ступеньки, почти не касаясь перил. Сегодня же, стоило добраться до третьего этажа, в глазах у нее потемнело, а груди словно сдавило железным обручем. Ощущение было кошмарным: как будто кто-то разом выкачал из нее весь воздух и дышать теперь было абсолютно нечем. Ноги ослабли, и Лера опустилась на ступеньку. "Что со мной? – в испуге подумала она. – Я не курю, не болею, с детства занимаюсь спортом... упадок сил? Нет-нет, только не это! Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет что-то другое! Ну очень прошу! Мне надо работать!"

Ладони вспотели, и она вытерла их о джинсы. Кажется, непонятный приступ миновал, оставив после себя только звон в ушах и предательскую слабость в коленях. Но это было ерундой – не смертельно.

Лера осторожно встала и вызвала лифт: дел действительно было много. А вот времени – не очень.

Дома она первым делом стащила с себя джинсы и старую куртку от спортивного костюма – все это надо спрятать до того, как проснется Макс. Забравшись на стул, она закинула пакет с вещами на антресоли. Туда он точно никогда не залезет.

Стоя под душем, Лера уже в который раз подумала, что поступает не слишком хорошо, обманывая Макса: вот уже полгода он уверен, что по утрам она разносит газеты. Ей было стыдно врать любимому человеку, но после того, как он однажды заявил ей "Я бы никогда не женился на уборщице!" – признаться было непросто.

Макс, наивная душа, не понимал, что здесь ей платят чуть больше, чем платили бы на почте, а в их положении это имеет принципиальное значение...

Лера училась на дневном отделении пединститута и, конечно, не могла рассчитывать на нормальную работу. Приходилось выкручиваться: кроме мытья лестниц, она почти каждый день, точнее, вечер и часть ночи подрабатывала в местной забегаловке официанткой. Начальство пошло на уступки с графиком, ущемив в зарплате. К счастью, в деньгах Лера теряла не сильно: все-таки основной наплыв посетителей приходился на часы ее работы, а работала она на совесть. Она не обсчитывала клиентов, не воровала, никто ни разу не видел ее в подпитии. Она никому не хамила, была приветлива, ответственна и исполнительна.

Во время зимних и летних каникул Лера торговала косметикой на вещевом рынке рядом с домом. Ей было очень тяжело жить в таком ритме, она сильно уставала. Вот если бы Макс нашел себе работу... Она горько усмехнулась, вспомнив, как однажды высказала эти мысли вслух.

– Вот если бы ТЫ перешла на вечернее отделение, тогда смогла бы работать в ОДНОМ месте, а не разрываться на части! – холодно бросил он в ответ.

В чем-то он был прав... Но...

Одевшись, Лера отправилась готовить завтрак. Да, в чем-то он был прав, ведь она сама знала, на что шла. Макс тогда, в самом начале, честно предупредил ее, что он не такой, как все.

Он – натура творческая, поэтому ужиться с ним будет непросто. Кроме того, она должна быть готова к финансовым трудностям. Конечно, он получил гонорар за свою первую книгу, но от него мало, что осталось. А вторую книгу надо еще написать... Устраиваться на какую-то работу *тупо* ради денег он не собирается. Все это казалось тогда Лере несущественным, она влюбилась впервые в жизни, и влюбилась по уши. Она была готова на все. И Макс вскоре поселился в ее комнате.

Сначала все шло превосходно. Лера училась в институте, нашла мужчину своей мечты... С деньгами тоже проблем не было никаких: она получала повышенную стипендию, у Макса оставались деньги от гонорара, да и родители Леры никогда не отказывали в помощи молодой семье.

Счастье длилось недолго. Всего несколько месяцев, а потом... Воспоминание острой болью кольнуло в сердце, и Лера попыталась отогнать его. Прошло почти два года. Пора смириться.

Стол был накрыт. Кофе наполнил кухню чудесным ароматом, копченая колбаса была нарезана полупрозрачными ломтиками – как любит Максик... Что-то еще... Ах, да! Она вытащила из шкафчика плитку пористого шоколада и положила рядом с чашкой Макса. Оставалось самое сложное: войти в маленькую комнату, которая служила им спальней и сказать:

– Доброе утро, мой сладкий! Пора вставать. Завтрак на столе... – Макс что-то проворчал и отвернулся к стене: – Любимый, кофе остынет, ты не любишь холодный... А мне пора уходить... Поднимайся! – Макс тяжело вздохнул, и Лера поняла – проснулся.

Когда он объявился на кухне, Лера не могла скрыть улыбку: с растрепанными светлыми волосами, запанный и недовольный, Макс выглядел большим ребенком – милым и трогательным. Он плюхнулся на стул и сделал себе первый бутерброд с колбасой.

– Ты представляешь, – проговорил он с набитым ртом, – мне наконец-то пришла в голову идея! Я напишу ТАКОЙ роман, какой и Стивену Кингу не снился! Ох, Валюша... Это будет бомба!

Лера намазала маргарином хлеб и спросила:

– И о чем же будет этот шедевр?

– Не скажу! Сглазить боюсь. Но я уже вижу успех! Обещаю – ты прочтешь его первой! Блин... Наверняка и фильм захотят снять... Сценарий тоже сам напишу!

– Солнышко, – Лера изо всех сил старалась, чтобы в голосе не проскочили укоризненные нотки, – а ты не слишком торопишь события?

– Ты что??? – от возмущения он даже захлебнулся кофе. – Сомневаешься во мне? Да? Я неудачник, да? Ты это хотела сказать? – он вскочил и навис над ней: – Думаешь, мне очень нравится сидеть у бабы на шее? Так вот – нет! Не нравится! Мне стыдно! У меня был творческий кризис, но я из него вышел, понимаешь?

– А почему ты опять на меня кричишь? – тихо спросила Лера.

– Да потому что с тобой нельзя по-другому! Ты превращаешься в настоящую стерву!

– Прости, – Лера тоже встала и обняла его, – прости, милый, я не хотела тебя обидеть...

– Ладно, – проворчал Макс благодушно, немного потискал ее и направился в комнату: – Я работать!

– А посуду, Максик? У меня семинар...

– Чтооо? – в его голосе было столько неподдельного изумления, что Лера решила не спорить.

В конце концов, можно сэкономить время на макияже и прическе – собрать волосы в хвост и не краситься вовсе. Только надо сделать так, чтобы Максик этого не заметил. Он гово-

рит, что женщина должна быть красивой ВСЕГДА. Он очень сердился, когда видел ее без косметики или в старой, немодной одежде: ЕГО девушка должна выглядеть на все сто!

Лера пыталась ему объяснить, что хорошая косметика и модные тряпки стоят недешево, а деньги сначала нужно заработать, но это было бесполезно. Макс абсолютно далек от финансовой стороны жизни. Когда ему что-то нужно, он всегда может пойти и попросить денег у родителей, а она... Стоп! Да что сегодня за день! Опять она возвращается к больной теме...

Лера шагнула к раковине с посудой, но вдруг мучительно закашлялась. Сухой, неприятный кашель мучил ее приступами уже пару месяцев, то исчезая, то возвращаясь вновь.

– Валюш, лекарство приняла? – крикнул из комнаты Макс.

– Нет еще, – прохрипела она, открывая аптечку. На глазах у нее выступили слезы от удушья, снова сильно сдавило грудь. "Да где же я так простыла-то?" – удивилась она в который раз, наливая лекарство в ложку.

– Ээй! Ку-ку! Очнись! – Ирка пощелкала пальцами перед ее лицом, и Лере удалось сфокусировать на ней взгляд.

– Извини, замечталась, – сказала она.

Они сидели за столиком в уютном кафе института: до лекции оставалось сорок минут, поэтому вполне можно было перекусить.

– Ты вообще слышала, о чем я сейчас говорила?

– Конечно, – Лера ковырялась в тарелке с салатом из капусты. – Ты вчера познакомилась с потрясающим "ауди", который сегодня заедет за тобой после занятий.

– Тьфу на тебя! – засмеялась Ирка. – "Ауди" – приятный, но не ключевой момент. Я и говорю, что ты ничего не слышала. Он... Он такой... Глаза... А руки... У него такие руки...

– Восьмое чудо света, – улыбнулась Лера.

– Между прочим, напрасно иронизируешь. Он на самом деле мужчина мечты. И, кстати, у него приятель тоже ничего.

Лера искренне улыбнулась:

– Я очень рада за тебя. Но приятели мне не интересны. У меня есть...

– Маааксик, – противным голосом протянула Ирка. – Сокровище бесценное, ага. И как он там? Придумал шедевр?

– Вообще-то, придумал! Сегодня начал писать. Только это – страшная тайна. Он даже не сказал, о чем книга. Говорит, круче, чем у Стивена Кинга будет. Он такой талантливый...

– Ты это себе говоришь или мне?

Ирка откровенно недолюбливала Макса, в открытую говоря, что он паразитирует на ее подруге. Она при любой возможности она пыталась открыть Лере глаза на ее ненаглядного. Но пока безрезультатно. Тем не менее, попыток она не оставляла.

– Послушай. Не бесись. Просто выслушай. Дело даже не в том, кто в семье зарабатывает деньги, хотя лично я считаю, что это прямая обязанность мужчины. У меня тетка карьеру делает, а ее муж сидит с детьми и хозяйством занимается – они счастливы. А у вас? Ты и работаешь, и учишься, и домом занимаешься. Сил надолго хватит? А если надорвешься? Заболеешь? Думаешь, нужна ему будешь?

– Думаю, да, – неуверенно проговорила Лера. Почему-то сегодня слова подруги зародили в ее душе легкое сомнение. Недаром говорят, что вода и камень точит. – Ты считаешь, что я что-то неправильно делаю?

Ирка так всплеснула руками, что чуть не опрокинула на себя тарелку с супом:

– Да неужели! В Африке снег пошел? Моя подруга засомневалась в непогрешимости Максика! Неужели твоему терпению приходит конец и ты поняла, что он за тип?

– Ты опять за свое, – Лера совершенно не обиделась – Я его люблю, а он любит меня...

– Ага, а то, что вы до сих пор не поженились, так это только потому, что он "не хочет ограничивать твою свободу", ведь с ним "так непросто ужиться", да?

– Конечно. Он прекрасно знает, как с ним бывает тяжело. И вообще. Штамп в паспорте ничего не меняет. Максик меня любит, бережет и жалеет. Он нисколько не сердится, если в квартире не совсем идеальный порядок, если я пару дней не мою пол или я не успеваю приготовить нормальный ужин. Он вполне может обойтись бутербродами.

– ...С копченой колбасой или беконом, – ядовито продолжила Ирка, – а ты будешь вон – капустой хрумкать из экономии бюджета... Сволочь он первостатейная. А ты – влюбленная дуручка в розовых очках! Ладно, – Ирка увидела, что подруга готова разреваться и сбавила тон. – Не будет ругаться из-за него – много чести! Мне просто за тебя обидно. А еще мне не нравится, как ты выглядишь – отошала, синяки под глазами... Это уже не красивая фигура, а анорексия какая-то...

– "Женщина не должна быть жирной короной!" – глубокомысленно произнесла Лера.

– И снова мудрые мысли великого Максика!!! Супер! Девушка должна греметь костями, а мужик – лосниться от жира!

– Ну уж, ладно тебе, – Лера улыбнулась – Он не толстый...

– Ага. рожа по циркулю, брюхо висит... Лера, ему всего 27!!! Все, молчу, молчу... Слушай, давай лучше о тебе. Ты у врача была?

– Да, на прошлой неделе. Говорит, что у меня сильно запущенный бронхит. Скорее всего. Но он не уверен. Направил на снимок. Вернее, на флюорографию. Завтра или послезавтра должна быть готова. Пью пока микстуру, но что-то не очень помогает. И слабость эта...

– Все будет в порядке! – с бодростью, которой вовсе не чувствовала, сказала Ирка. – Ты просто много работаешь, организм ослаблен – вот болячка и не проходит. Кстати, ты подготовилась к контрольной? – Лера кивнула. – И когда все успеваешь? Идем. Нам пора!

Занятия закончились около четырех часов, и Лера чувствовала себя выжатым лимоном. Наскоро распрощавшись с Ирккой и ребятами, она зашагала к метро. Несмотря на усталость и неважное самочувствие, на душе было спокойно и радостно. Даже противный осенний дождик не мог ей испортить настроения. Лера спешила домой. К любимому.

– Максик, ты дома? – Лера поставила сумки с продуктами на пол и разулась. В квартире было тихо.

Максик явно ушел после обеда – об этом говорили грязные тарелки на столе, крошки хлеба и пятно кетчупа, которое уже успело засохнуть. Лера открыла холодильник. Так и есть. Суп и макароны остались нетронутыми, зато исчезли котлеты – все пять. Как она могла забыть, что Макс опять сел на диету, поэтому не ел ни картошку, ни макароны, хотя не считал вредными для фигуры ни шоколад, ни хлеб, ни булочки, которые поглощал в огромном количестве...

Аппетита у Леры не было, но она понимала, что другой возможности поесть сегодня не будет. Вечером после работы сил не было даже на еду. Может, скоро ее жизнь изменится? Макс напишет книгу... Получит гонорар... Тогда она сможет бросить одну работу... Или даже обе... Она мечтательно улыбнулась. Тогда не надо будет спешить и надрываться – будет время и силы и на учебу, и на Макса – столько всего можно придумать!..

Суп закипел, возвращая ее к реальности. Роман еще не написан, и радужное будущее сейчас зависит еще и от нее: если Макс будет таким же раздражительным, как все последнее время, творческий процесс может затянуться... Нужно побольше времени проводить дома, рядом с ним, постараться, чтобы у него было хорошее настроение, чтобы он не сердился и не кричал.

Вот, например, сегодня можно не ходить в кафе. Она почти не берет выходных – ее обязательно отпустят. "Я приготовлю что-нибудь вкусненькое, надену красивое платье, накрасюсь, как он любит, и буду ждать его. В первый раз за... За очень долго," – решила девушка и, открыв холодильник, замерла в задумчивости, обдумывая меню ужина...

Телефонный звонок два часа спустя застал ее за приготовлением салата.

– Лерочка? – услышала она голос свекрови, – Здравствуй, дорогая! А почему ты дома, не на работе?

– Добрый вечер, Лидия Ивановна! Я решила сегодня отдохнуть

– Отличненько, отличненько... А Макс там далеко?

– Его нет. Надеюсь, будет с минуты на минуту. Он не сказал, куда ушел.

– Что ж... Пусть сразу позвонит мне, как объявится. Нехорошо с его стороны заставлять маму волноваться. Сразу позвонит, поняла? До свидания, деточка.

Лера грустно улыбнулась. Лидия Ивановна почему-то всегда буквально подавляла ее своим напором. Родители Макса не были в восторге от выбора сына, но никогда не говорили об этом открыто. Просто при каждом удобном случае тонкими намеками давали ей понять, как она ничтожна по сравнению с их сыном, какое одолжение он сделал, когда снизошел до нее. Лера обижалась и даже жаловалась Максиму, который посоветовал "забить на предков". Она старалась, но пока "забивали" только на нее.

После разговора со свекровью Лера почувствовала острую необходимость поговорить с кем-то, кому она не безразлична, с кем-то кто ее любит просто так – без всяких условий. Она сама не заметила, как почти машинально набрала номер деда.

– О, Валерия Александровна! – забасил дед, – как жизнь молодая?

– Скриплю потихоньку...

– Ты – СКРИПИШЬ? Насмешила, матушка! О чем же МНЕ тогда говорить? Я-то, знаешь ли, каждое утро с зарядки начинаю – ни одна хворь не пристает!

– Ты у меня молодец, дед, – Лера вспомнила свою утреннюю суету с тряпками и ведрами и задумалась, считается это зарядкой или нет. Дед еще некоторое время разглагольствовал про ЗОЖ, но вдруг сама себя прервал и спросил:

– А чего ты так рано звонишь? Ты, вроде бы, работаешь в это время? У тебя все в порядке?"

– Да, дедуль. Я просто соскучилась... И устала чуть-чуть... Мне бы твою энергию..."

– Тебе не энергию, тебе голову мою надо, чтобы ерундой не маялась! Да что там... Скажи лучше, ты выздоровела?

– Кашель еще есть, но намного меньше, чем раньше, – соврала Лера, надеясь, что скоро это станет правдой. – Не переживай! Доктор сказал, что ничего страшного. В выходные приеду к тебе. Соскучилась.

– Я тоже, – проворчал дед и, помолчав, добавил: – Ты, это, Валерия... Отдыхай побольше. А если с деньгами плохо – только скажи. Сама знаешь – не бедствую.

– Знаю, дедуль. Спасибо...

В десять вечера Лера оглядела накрытый стол. Она не ужинала, ожидая Макса и теперь чувствовала сильный голод. В центре стола находился любимый салат Макса – "Цезарь", слева и справа – тарелки с ветчиной и сырокопченой колбасой. Маринованные грибы, огурчики, оливки – Лера основательно опустошила холодильник. Ну кухне в духовке томились ломтики мяса, запеченного с грибами и сыром. Макс будет доволен.

Девушка вышла в коридор, чтобы еще раз взглянуть на себя в зеркало. Вечерний макияж, гораздо ярче дневного в мерцании свечей скроет бледность лица и синеву под глазами. Лера подобрала волосы наверх, выпустив несколько прядей – подчеркнуть длинную шею.

Темно-зеленое, почти черное платье, длинное, вечернее, было особым предметом ее гордости. Недавно увидев его в витрине бутика, Лера не успокоилась, пока не нашла его точную копию – на китайско-вьетнамском рынке. Правда, в десять раз дешевле. Макс еще его не видел, и она радостно хихикнула, предвкушая его реакцию. Он обожал, когда Лера надевала что-то подобное. Да, Макс будет доволен!

В половине двенадцатого Лера поняла, что начинает сходить с ума от беспокойства. Ей было страшно. Макс старался соблюдать режим, который сам установил для себя и никогда не ложился позднее одиннадцати. Лера принялась ходить из угла в угол, прислушиваясь, не подъехал ли лифт.

Постепенно мрачные мысли, которые удавалось отгонять днем – о событиях двухлетней давности – нахлынули на нее сильным потоком.

...В тот день она сбежала с последней лекции: мыслимое ли дело сидеть в душной аудитории и слушать занудный бубнеж, навевающий сон, когда на улице май, солнце, а родители уехали на дачу вместе с бабушкой и дедушкой – родителями мамы. Квартира на целых два дня принадлежала только им с Максом! Сегодня утром он прошептал, провожая ее в институт:

– Я буду ждать тебя, дорогая! У меня на тебя грандиозные планы! И учти – раньше, чем через сутки, я тебя из постели не выпущу!

Почти всю дорогу до дома она бежала – ей казалось глупым тратить впустую драгоценные минуты, которые можно провести с любимым.

Растерянный Макс встретил ее на пороге, словно ждал под дверью:

– Тут это, Валюш... – пробормотал он, – Фигня какая-то... Твоему отцу стало плохо за рулем... Там КАМАЗ был...

– И? – у Леры подкосились ноги.

– Они погибли, Валюш. Все...

Лера всхлипнула. До сих пор она так и не смирилась с потерей. Из близких людей у нее остались лишь Макс, дед Миша да Надежда Ивановна – подруга мамы и крестная Леры. Девушка до паники боялась потерять кого-нибудь из них.

Вот и сейчас Лера чувствовала, что начинает паниковать. Сердце бешено стучало, воздуха не хватало, перед глазами потемнело... Она бросилась к окну и, жадно глотая ледяной воздух, немного отдышалась и пришла в себя. Может, родители Макса что-то знают?

– Константин Семенович, добрый вечер, это Лера, – выпалила она, услышав голос свекра.

– Вернее, ночь, – раздраженно буркнул он. – Чем обязан?

– Простите меня, пожалуйста, за поздний звонок... – Лера даже забыла, что в таких случаях она обычно смущалась и начинала блеять и невнятно бормотать. – Макса до сих пор нет дома. Я очень за него волнуюсь. Вы, случайно, не в курсе?...

– Сдается мне, – перебил ее свекр, – что супруга, хоть и неофициальная, должна быть осведомлена о местонахождении мужа. В противном случае достойна ли она именоваться супругой. Но – довольно об этом. Час, действительно, поздний. Макс спит.

– В каком смысле? – от неожиданности она начала заикаться.

– В том смысле, что отдыхает. Не вижу здесь никакого иного смысла, ибо его и быть не может.

– Так получается... он у вас? Давно? Но почему?

– У нас. Два часа. Потому что ему захотелось навестить родителей. Не понимаю такого тона, Валерия. Надеюсь, это все?

– Но... Почему он не предупредил меня?...

– Не имею ни малейшего представления. Прошу меня простить, но вынужден проститься. Час поздний.

– Спокойной ночи, – едва слышно проговорила Лера.

Она обвела взглядом комнату, подошла к столу, взяла кусок ветчины и сунула в рот. Потом неумело открыла бутылку вина и плеснула себе чуть ли не полстакана. "Отлично! – подумала она. – Ну и черт с ним! Завтра воскресенье, на работу только вечером. Хоть выплещу нормально..."

– Так что?

– Чем закончилось? – поддержала Ирку третья подруга – Оксана.

– Да ничем, – пожалала плечами Лера. Девушки прогуливали семинар в парке около института – благо, погода была замечательной – золотая осень. – Он вернулся в воскресенье к обеду. И, мило улыбаясь, рассказал, что родители вручили ему крупный "аванс" по случаю выхода из творческого кризиса. Он тут же поехал и купил дорогущую кожаную куртку, которую уже давно приметил, а потом отмечал попойку с друзьями. Домой не пошел, потому что боялся, что я буду ругать его за пьянку.

– То, что ты будешь волноваться, он не учел?

– Он надеялся на мою сообразительность, что я догадаюсь позвонить его "родакам". А я не сразу догадалась... Сама виновата...

– Да, Лерка, – Ирка хлопнула подругу по плечу. – Единственное, что меня во всем этом радует, что ты решила рассказать нам. Ты начинаешь прозревать? Ты уже сомневаешься в его непогрешимости?

– Все нет, – улыбнулась Лера. – Он, конечно, меня сильно обидел, но он не негодяй. Он просто ошибся. Каждый человек имеет право на ошибку... Такое произошло впервые и...

– Лерка, ты ненормальная! – вступила в разговор Оксана. – Блаженная какая-то! Мы тебе давно пытаемся сказать, что твой Макс – эгоист. Сел и ножки свесил! Кризис у него... Бережет он тебя, любит – вот тебе и пример его "любви"!

– Это была ошибка! – упрямо повторила Лера.

– Да ни фиги! – Оксана соскочила с лавочки – Это был первый звоночек. Счет открыт и теперь будет только пополняться. И хватит болтать – все равно без толку! Идемте в библиотеку!..

– Макс, я пришла! – Лера прямо в одежде заглянула в комнату, потому что ответа не услышала. Макс сидел в комнате перед компьютером, на экране которого застыла картинка из игры-ужасика с какими-то чудовищами. Он сидел ссутулившись и бессмысленным взглядом смотрел на экран. Рядом с клавиатурой стояла грязная тарелка и рюмка, а чуть дальше – ополовиненная бутылка водки.

– Макс, – Лера обняла его за плечи, – Что случилось, солнышко?

– Валюша, – не отрываясь от экрана, всхлипнул он. – Прости меня, детка. Я бездарность... Я ничего не могу... За полдня я не написал ни строчки...

– Ну перестань, – она чмокнула его в макушку, – Ты хочешь за день написать шедевр? Так не бывает. Ты же не относишься к тем бездарностям, которые пишут свои книги, как пирожки пекут? У тебя есть замысел, есть я, твоя Муза...

– Только не разговаривай со мной, как с придурком!" – передернув плечами, он освободился из ее объятий – Ты фальшивишь, дорогуша! Ты недовольна тем, что я выпил и не можешь этого скрыть! Я все вижу!!! Конечно, ты же у нас святоша! Ах, ах! Я посмел взять деньги, которые она заработала.

– Милый, ты о чем? Какие деньги? Тебе хочется поскандалить?

– Да!!! – заорал он, повернувшись к ней прямо в кресле: – Я жутко зол!!! Как ты не можешь понять своей тупой башкой, что мне противно во всем от тебя зависеть! Мужик я или нет? У меня ни копейки карманных денег! Ты унижаешь меня! Мне стыдно!

– Послушай, Макс, я тебя не понимаю. Почему тебе стыдно? Я что, эти деньги на панели заработала? Или украла? Мы договаривались, что я работаю, а ты пишешь. ЭТО твоя работа. Я тоже делаю все, что от меня зависит. Чем ты сейчас недоволен?

Макс закрыл лицо руками и шумно вздохнул:

– Какая же ты непроходимая дура... Я с тобой или сам двинусь или сопьюсь...

– Максик... – Лера чувствовала, что снова начинает задыхаться, – Максик... Я лучше спать пойду, да?

Макс встал и посмотрел ей в глаза. Лера вздрогнула. На нее смотрел безумец.

– Раздевайся! – приказал он.

– Да-да, – глотая слезы торопливо проговорила она – действительно, она не успела переодеться в домашнее. – Сейчас переоденусь...

– Нет. Раздевайся совсем. Здесь. Сейчас. Я хочу.

– Максик... но послушай...

– Ты оглохла? Или тебе помочь? – он нехорошо усмехнулся и вдруг, шагнув вперед, резко ударил ее по лицу: – Достала ты меня, овца! Тупая и фригидная! – заорал он и дальше, кажется, было что-то еще, но ноги у Леры вдруг стали ватными, в ушах сильно зазвенело, а перед глазами стало темно. Она потеряла сознание и упала на пол.

– Валя, Валюша, – Макс колотил уже по обеим щекам, но Лере было все равно – его голос доходил до нее как сквозь толщу воды. – Валюша, не пугай меня! Ты что это придумала, девочка моя родная?..

...Лера чувствовала, что приступ проходит, ей уже легче, но из-за невероятной слабости она пока еще не могла говорить. Она видела, как Макс мечется по комнате, а потом хватает телефон и вызывает "скорую".

– Макс, – тихо позвала она, и он, крикнув в трубку: – "Ждем, ждем!", – подскочил к ней и присел рядом:

– Как ты? Лучше? – дрожащей рукой он ласково погладил ее по голове.

– Да, спасибо, – с его помощью она приподнялась и села. – Только дышать тяжело. Открой окно, пожалуйста – она едва успела подумать, что уже давно он не был таким внимательным и заботливым, как Макс уже вернулся к ней:

– Так лучше?

– Да... Спасибо... Слушай, не надо "скорой"... Позвони, скажи, что я уже в порядке.

– Нет, девочка моя. Пусть врачи мне это скажут. Я должен знать наверняка, что моей малышке ничего не угрожает... Давай-ка на кровать перебираться, – Лера послушно обхватила его за шею, а он, шумно и резко выдохнув, подхватил ее на руки и перенес на диван.

– Фу, – вытирая капли пота, отдувался он, – ну и здоровА ты покушать, матушка... Прости, но до спальни я тебя не дотащу, такую коровушку.

Лера смутилась, но ответить не успела: раздался звонок в дверь. Прибыла "скорая".

Через минуту двое крепких молодых людей в одинаковых синих комбинезонах протопали в комнату.

– Табуретку, полотенце, стакан воды, – скомандовал первый, в то время как второй, передвинув компьютерное кресло, сел рядом с диваном:

– Рассказывай, – буркнул он раздраженно, не глядя на девушку.

– А я не знаю, что рассказывать, – растерянно проговорила она. – В глазах потемнело, я упала. Всё.

– Беременная?

– Нет.

– Хронические заболевания?

– Нет.

– Раньше такое случалось?

– Нет, но... Последнее время как-то вот тут... в груди... и воздуха не хватает, и...

– Раздевайся! – равнодушно прервал ее фельдшер. Костяшками пальцев постучал по спине, заставил поднять-опустить руки: – Одевайся.

– ЭКГ делать будем? – также равнодушно поинтересовался второй.

– Нет. Нормально тут все с сердцем, – отозвался первый.

– Так что со мной было, доктор? – решила Лера.

– Ничего – неожиданно зло ответил первый, быстро заполняя какие-то бумаги: – Переутомление. Излишняя мнительность... Или мужа так напугать хотела? Что, шубу новую не купил? Или колечко?

– Что вы хотите сказать? – задыхнулась от возмущения Лера.

– Ничего я не хочу сказать. Ты абсолютно здорова. Всем бы так! И не отвлекай меня. Ночь на дворе, вызовов полно. Нас БОЛЬНЫЕ люди ждут!

– Колоть что-то будем? – вмешался второй.

– Ничего ей не надо. Валерьянки накапай...

Лера встретила глазами с Максом и покачала головой: ради ЭТОГО стоило их вызывать?..

... Ветер так и норовил вырвать зонт из рук, а, так как ему это не удавалось, он довольствовался тем, что через каждые две-три минуты выворачивал его наизнанку. Дождь, по-видимому, был с ветром заодно: он налетал то справа, то слева, то спереди, то сзади.

Лера злилась на дождь, ветер и на себя. Сегодня вместо брюк она умудрилась надеть короткую юбку, и сейчас ее ноги замерзли, промокли и, кроме того, она очень сильно подозревала, что еще и были сзади заляпаны грязными брызгами. Да и вообще она промокла насквозь из-за этого дурацкого зонта, который больше мешал идти, чем защищал от дождя.

Взглянув на синюю табличку с золотыми буквами на стене неказистого трехэтажного особняка, она вздохнула с облегчением, с трудом закрыла зонт и вошла в тепло помещения.

Охранник в зеленой форме, при галстукке, но почему-то в домашних тапочках, которые знавали лучшие времена, проводил ее равнодушным взглядом и снова уткнулся в свой кроссворд.

Лера пробежала глазами по расписанию работы врачей. Так. Власова Татьяна Геннадьевна. Кабинет 205. Понятно, второй этаж.

Около нужного кабинета сидели два тощих мужичка и серыми испитыми лицами. "Куда я попала?" – вздрогнула Лера и, уточнив, кто из них последний, опустилась в жесткое кресло у стены. "Это ненадолго, – мысленно успокаивала она себя. – Мне же сказали – только уточнить. Скоро я выйду из этого ужасного заведения и навсегда забуду о его существовании..."

Вчерашний день начался как волшебная сказка.

Макс настоял на том, что Лера не должна идти в институт: не смотря на уверения врача, ее недомогание очень сильно испугало его. Мыть лестницы она тоже не ходила – это утро было свободным. Макс позволил ей поваляться в постели и даже сам приготовил завтрак.

Чудеса случаются, поняла Лера, да еще и в таком количестве: Макс проснулся в хорошем настроении, не ворчал, не искал ссоры и был идеальным, заботливым мужем. Он даже преданно заглядывал ей в глаза и каждые пять минут спрашивал, как она себя чувствует. Лера была на седьмом небе от счастья: что бы ни говорили о ее любимом, это все неправда! Она знает его лучше – он замечательный, любящий и заботливый!

Когда Макс предложил после обеда сходить в кино, она лишь радостно кивнула, счастливо улыбаясь. Через несколько минут Макс заглянул в комнату, где Лера валялась на диване с книжкой:

– Детка, я съезжу к родакам ненадолго, можно? Побудешь одна пару часиков?

– Если только пару, – улыбнулась Лера. Родители Макса жили совсем рядом по Московским меркам – на следующей станции метро или пятнадцать минут пешком.

– Я хочу сводить тебя в кино, а с деньгами – сама знаешь... Не у тебя же просить... Пойду на поклон к мамахен. Нет-нет! Не возражай! Я возьму деньги у них. Все! Не скучай!

"Все у нас будет хорошо," – успела подумать Лера, прежде, чем раздался телефонный звонок:

– Валерия Лескова? Здравствуйте. В нашей поликлинике вы недавно делали флюорографию...

– Наверное, – растерялась от неожиданности Лера – она уже и забыла об этом.

– Завтра подойдите в этот же кабинет. С 9 до 13. Без очереди.

– А зачем?

– Я вам отдам ваш снимочек, с ним надо будет подъехать в противотуберкулезный диспансер. Тут у меня еще есть адрес и фамилия вашего врача.

– Противо... туберкулезный? – Лера запнулась в середине слова. – Я ничего не понимаю...

– Ой, да не волнуйтесь вы раньше времени! Снимочек нечеткий, не все понятно, а в диспансере доктор посмотрит. У них аппаратура хорошая. Ну, может, рентген надо будет сделать... Алло! Вы слышите?

– Да-да... Завтра? Конечно, приду...

Вскоре вернулся Макс. Он был так счастлив, так ослепительно улыбался, что ей ничего не оставалось, как постараться отогнать тревогу и встретить его так же радостно. Тем более, что ей предстояла лишь небольшая формальность...

– В санаторий едешь?

– Не... ВТЭК надо проходить... Мож, потом поеду...

– Давно с больницы?

– Неделю. За пилюлями пришел, будь они не ладны! Язву заработал, пока их глотал... Надоели, чтоб их...

– А что делать? Без них кранты... О, моя очередь! Бывай! – разговор двух тихих мужичков был прерван старушкой, вышедшей из кабинета, и один из них, постучав костяшками пальцев в дверь, зашел.

Слушая их беседу, Лера постепенно падала духом. Может, виной тому был их изможденный вид? Может, виновато томительное ожидание и гнетущая неизвестность? А, может, само здание диспансера – с его темно-зелеными стенами, которые, казалось сами по себе убивали всякую надежду...

"Я – тоже??? – подкрались невеселые мысли – Да ну... А вдруг?... Эта болезнь всегда казалась мне далекой, нереальной, из прошлого, из книг и фильмов... Чехов, "Дама с камелиями"... "Уж ношу я смерти жало..." И – я... Нет. Или да? Симптомы? Да знать бы их! Кровь горлом? Что за чушь! Врач "скорой" сказал, что я АБСОЛЮТНО здорова!

Переутомление. Все. Бросаю мыть лестницы и буду больше гулять. И есть как следует – только пусть я не заболела... Не хочу... Пожалуйста... Я не хочу болеть! Так не бывает! Я не чувствую себя больной! Снимок... Конечно!... У них плохая аппаратура, а я тут себя уже накрутила. Все. Сейчас мне скажут, что это просто некачественный снимок и надо его переделать." – успокоив себя таким образом, Лера повеселела и, когда подошла ее очередь, бодро шагнула в кабинет

– Здравствуйте! Вы Татьяна Геннадьевна? А я – Валерия Лескова, – девушка положила на стол врача снимок и несколько бумажек, выданные в поликлинике. – Мне сказали, что я должна к вам подойти. Вот я и пришла прямо сегодня, чтобы не тратить время на эти формальности.

– И это правильно, – Власова взглянула на нее сквозь толстые стекла очков и указала на стул: Присаживайтесь, пожалуйста, – она бегло просмотрела листки, посмотрела на светящемся экране снимок и, вытащив из стола чистую карту, начала быстро заполнять ее.

– Карта? – удивилась Лера. – Зачем? Я заболела?

– Успокойтесь, – доктор улыбнулась, не отрываясь от своего занятия: – Вы же и пришли сюда затем, чтобы это выяснить, правда?

– Вообще-то я думала, что поликлинику не устроило качество снимка...

Доктор хмыкнула, отложила ручку и приветливо посмотрела на Леру:

– Качество как раз приличное. Так, хорошо. Давайте побеседуем. Валерия Александровна Лескова, 21 год. Замужем?

– Мы не расписаны. Гражданский брак

– Понятно. Возьмите градусник – воон там, пока разговариваем, измерите температуру. Скажите, в последнее время вы резко теряли вес?

– Я его теряю постепенно, – отшутилась Лера и с удивлением увидела, как Власова сделала отметку в карте: – Постоянная усталость? Одышка? Боли в грудной клетке? Ночная потливость? Кашель больше трех недель?

Отвечая утвердительно на каждый следующий вопрос, Лера все больше убеждалась, что просто так она отсюда не уйдет. Расспросив подробно о жилищных условиях, об отношениях с мужем, о нагрузках в институте, обо всех работах и даже о смерти родителей, Власова протянула руку за термометром:

– 37,5, – констатировала она.

– Все так плохо? – всхлипнула Лера.

– Валерия, милая, не переживайте вы так! Это может быть все, что угодно – и воспаление легких, и просто рубчик... Не надо нервничать раньше времени! Пройдете полное обследование, сделаете пробу Манту, рентген, томографию, анализы... Тогда – и только тогда! – можно будет говорить о чем-то определенном. Однако, даже если это действительно туберкулез, паниковать не следует: в настоящее время это тяжелое заболевание прекрасно лечится.

Лера кивала, слушая ее слова, и не замечала, как слезы катятся по ее щекам. Она почти ничего не слышала из того, что говорила доктор. Сознание лишь фиксировало отдельные словосочетания, но смысл упорно ускользал: больница... Длительное лечение... санаторий... профилактика... проверить родных... И опять: не волнуйтесь. Не волноваться, хорошо питаться, взять академ в институте, оформить инвалидность...

– О чем вы говорите? – взвилась Лера, осознав последние слова. – Какая инвалидность??? Мне 21 год! Вы о чем?

Власова тяжело вздохнула, покачала головой и принялась выписывать направления на рентген и анализы...

Глава 2. Сотрудник охраны

Владимирская область – Москва. Нулевые.

Первое, что я сделал, когда сошел с провонявшего бензином сельского автобуса и провалился в грязь чуть ли не по колено, так это с чувством и от всей души высказался в свой адрес выражениями, весьма далекими от литературных. Нет, было бы понятно и объяснимо, если бы идея надеть в дорогу осенью новые светлые джинсы пришла в голову городскому парню, но я-то хорош! Выпендриться хотел...

Осознав тщетность попыток хоть как-то отчистить загубленные джинсы, я плюнул с досады и закурил, хоть сделать это на таком ветру было непросто.

Сердце билось в груди как ненормальное. Почему-то так было всегда, когда я возвращался домой. Не скажу, что, находясь в городе, я сильно тосковал, но все же, все же...

Я безумно рад, что есть у меня такое место, где мне всегда рады, сколько бы времени я ни отсутствовал, что бы ни натворил. Я рад, что моя малая родина – не огромный мегаполис, где никому ни до кого нет дела и, увидев человека однажды, ты почти наверняка больше его не увидишь... Моя родина – всего лишь маленькая деревушка в стороне от шумных магистралей, почти вымирающая, но именно она ассоциируется у меня со словом "дом".

Пристроив поудобнее на плече ремень тяжелой сумки, я зашагал по чавкающей глине. От остановки до деревни было около километра.

Почти сразу начал накрапывать дождь, перешедший в холодную противную морось и, когда я добрался до знакомой калитки, мой внешний вид вполне мог вызвать легкое недоумение, а, при случайной встрече с Серегой или Страусом – одноклассниками и друзьями детства – ехидные насмешки. На мое счастье, улица была пуста: середина рабочего дня, да и погода к прогулкам не располагает.

Мое приближение к дому заметил лишь Озик – песель неизвестной кинологом породы, названный мной в честь Оззи Осборна. Почему именно в честь него – я уже и сам толком не помнил, наверное, на тот момент я увлекался творчеством этого выдающегося человека. Сейчас же тезка знаменитости, громыхая цепью, подбежал ко мне и в приветственном прыжке припечатал мне грудь передними лапами. Решив, что моей одежде уже ничто не повредит, я крепко обнял его и потрепал по косматому загривку:

– Привет, Озик, вот и я!

– Мам! – закричала Люська, едва я перешагнул порог: – ты глянь, что за чудо к нам пожаловало! Явилось-не запылилось!

– Люська! Сдурела! Орешь, как блажная! Пожар, что ль? – раздался голос матери, а через минуту появилась и она сама: – Сашка...

– Здравствуй, мама, – улыбнулся я, а носу предательски защипало, когда она, не обращая внимания на то, что я был покрыт грязью с головы до ног, кинулась меня обнимать.

Чуть позже, уже переодетый в чистое и сухое, я сидел за столом, а мама, по своему обыкновению бранила меня:

– Сашка! Не стыдно? Почему не позвонил? Телеграмму не дал? Я бы приготовила бы чего...

– Поэтому и не предупредил, чтобы не суетилась. А на стол – вот – немного привез деликатесов из столицы...

– "Немного!" – мама хмыкнула, но было видно, что "гостинцы" ее очень порадовали: в их магазине выбор продуктов был невелик.

– А мне? – вмешалась Люська. – Мне привез, что просила?

– Люська! – мама сделала вид, что хочет дать Люське ложкой по лбу, но сестра ловко увернулась: – Дай человеку отдохнуть с дороги! Да и отцаждемся – у них там что-то опять сломалось, ушел ни свет, ни заря...

– Мамуль, не сердись, – я сегодня был настроен благодушно даже по отношению к вредине-сестре. – Вам с батей подарки потом отдам, а Люське сейчас. Извелась вся, покою нам не даст. Люсь, дискотека будет сегодня?

– А то ж! Пятница же ж!

– Ну тогда тащи мою сумку ближе

– Что – я?

– А подарки кому?

Люська, радостно взвизгнув, в момент притащила тяжеленную сумку. Честно говоря, я-то это в шутку предложил, но тут, видно "своя ноша не тянет"...

– Пахать на тебе надо, – проворчал я, доставая заказанные джинсы со стразами: – Держи. И это тоже – майка. На дискотеке хорошо будет смотреться!

– Спасибо, спасибо! – Люська так стиснула меня в объятиях, что я закашлялся и прохрипел: – Просто "спасибо" было бы достаточно...

Но Люська обо мне уже забыла:

– Мам, я к Катьке сбегая?

– Ну уж нет, – возразил я. Сначала здесь примерь. Я мог с размером промахнуться. Вдруг менять придется?

– Не вопрос! – Люська исчезла в своей комнате.

– Избалуешь нам девку, – мама погрозила пальцем – сладу не будет.

– Мам, все в порядке. Люська хорошая девчонка. Характер вредный, правда, но это даже неплохо – не пропадет по жизни. Она у нас молодец – почему не побаловать немного? Учится на пятерки, в институт поступать хочет, не пьет, не курит, по кавалерам не бегаёт...

– Бог с тобой, сынок! – мать махнула рукой.

– Еще скажи, что я неправ. Ты что, не замечала, что за ужас ее ровесницы? Еще Катька – как и наша, нормальная, а остальные?... Пьют, дымят, с парнями крутят, а матерятся так, что я краснею... Нет, мама. Люська у нас молодец.

– Как ты стал интересно говорить, сына, – мама с нежностью и гордостью посмотрела на меня. – Красиво, правильно... Ты молодец, Сашенька. В Москве учишься, работаешь, а совсем не загордился. Вон, у Кузнецовых как сынки уехали – так ни ответа, ни привета... Младший иногда напишет, мол, живы-здоровы, а чтоб родителям помочь...

– Точно! – я хлопнул себя по лбу и достал со дна сумки конверт. – Вот денежку возьми. При батюшке не хочу, сама понимаешь...

– Что ты! – всерьез испугалась она. – Я же не для того... не возьму! Тебе нужнее! И подарки, и деньги... Мы с отцом пока работаем, нам хватает!

– Мама. – мне удалось сказать это так, что мать без дальнейших возражений спрятала деньги в карман фартука.

– Ну как я? – Люська уже успела переодеться в новые вещи и теперь ждала моей оценки, а я от удивления не мог сообразить, что говорят в таких случаях.

Как-то незаметно сеструха из нескладного подростка превратилась во взрослую девушку с отличной фигурой – совсем взрослую и очень красивую...

– Я жду! – от нетерпения она даже пританцовывала на месте.

– Нуууу, – я выдержал паузу. – Сегодня мне придется сопровождать тебя на дискотеку.

– Что?

– В качестве охраны, разумеется. Чтобы не украли. Охранник я или нет?

– Шут ты гороховый, – обиделась она и обратилась к матери: – А ты что скажешь?

– Ужас. Стыд. Срам, – раздался знакомый голос позади. – Купить такие вещи мог только такой охламон, как мой сын. Хотя тебе, Людмила, они очень к лицу...

– Папа! – я вскочил и тут же попал в медвежьи объятия отца:

– Здорово, сын! Надолго?

– На выходные, – мы пожали друг другу руки.

– Ну что же... Лучше, чем ничего... О, да у вас уже и стол накрыт!..

– Я... я сейчас... – засуетилась мать, – картошечки сейчас, огурчиков... А мы только чай пили, не сядились, тебя ждали... – отец махнул ей, чтобы она не торопилась, сел и показал мне на второй стул:

– Рассказывай, сын, как она там, жизнь московская?...

– Потанцуем? – Ленка, бывшая одноклассница, не дожидаясь согласия, вытащила меня почти на середину зала и крепко обняла: – Давненько мы не виделись... – Музыка была слишком громкой, Ленка изо всех сил пыталась ее перекричать, поэтому задуманной интимности не случилось, что немного раздражало ее.

– Работаешь?

– Работаю.

– Все там же?

– Все там же.

– Не боишься?

– Нисколько.

– Ну и дурак!.. А я скучала...

– Зря...

– Я знаю... Ты очень хороший, Сашка... Тебя нельзя не любить, – Ленка вздохнула и дальше мы танцевали молча.

Медляк закончился, Ленка растворилась в толпе, а я, увидев у входа Страуса, направился к нему. Мы вышли на улицу и закурили.

– Вот я не пойму, – начал Страус после недолгого молчания, – чего в тебе есть такого, что к тебе все бабы липнут? Прямо как мухи на... – он запнулся – на мёд. Как это у тебя получается, скажи?

– Завидуешь?

– Еще бы. Тут ходишь за какой-нибудь фифой неделю, конфеты покупаешь, цветы рвешь, подарки даришь – а она потом все равно продинамит... А ты – пальцами щелкнул – и любая на спинку опрокидывается...

– Пошло, – поморщился я.

– Зато по сути. Лан, не будь жлобом. Открой секрет успеха.

– «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей» – процитировал я, опустив, правда, вторую часть цитаты.

– Че, в натуре? – удивился Страус и почесал за ухом. – Не гонишь? Это все? Давно придумал?

– Это Пушкин придумал, – рассмеялся я. – Давно. Тьма ты необразованная – в школе это проходили

– Не, этого не помню. А Пушкина про дуб даже наизусть учил! – похвастался он.

– Ты меня поразил. Я-то думал, что ты, кроме букваря, ничего больше не осилил..

– Гад ты, Черный, – обиделся Страус, – Был нормальным парнем, а теперь одни понты со своей Москвой..."

– О чем базар? – к нам подошел Серега, утирая пот – видимо, наплясался от души.

– Да так, – уклончиво ответил Страус. – Черный шибко ученым стал, опытом делится.

– Так давайте ко мне, а? У меня *есть*. А то эту науку без допинга не осилишь, – предложил Серега.

Мне очень не хотелось оставлять Люську одну, без присмотра – у нее сегодня не было отбою от кавалеров, – но и лучших друзей обижать отказом тоже не хотелось.

– О сеструхе можешь не беспокоиться, – словно прочитал мои мысли Серега. – Не маленькая уже... Да, Черный, совсем большая девочка стала, – увидев мой кулак у своего носа, он сменил тон и зачастил: – Так, говорю, не волнуйся за нее. Здесь недалеко, проводят. Да хоть бы и Катька моя.

Действительно, сестра Сереги была лучшей подругой Люски. Поколебавшись, я все-таки отправился с ребятами.

...Нам было уже хорошо и весело – одну бутылку мы «усидели» и начали вторую. Мы обсудили последние новости и сплетни, я рассказал об учебе, а потом Серега продемонстрировал свою новую татуху: два красных сердца, в одном "С", в другом "Ю" – перевитые то ли цветочными стеблями, то ли колючей проволокой.

– Круто, – констатировал я, – А если с Юлькой поссоришься? Неосмотрительно...

– А он другую Юльку найдет! – хохотнул Страус. – Я ему то же самое говорил, а он уперся – надо! А мне-то что? Желание клиента – закон. Не, себе-то я что-то такое хочу... байкерское... Череп там... Или волка...

– Мотоцикл наколи во всю спину, – посоветовал обиженный Серега. Они шутливо помутузили друг друга и успокоились.

А потом, помолчав и не глядя на меня, Страус сказал:

– Тут Анька приходила... Про тебя спрашивала – я промолчал. – Слышишь, Черный?

– Не глухой! – несколько грубее, чем рассчитывал, отозвался я. – Сколько раз просил – при мне этого имени не называть!..

– Ссуров, но ссправедлив! – невнятно пробормотал Серега и заснул, уронив голову на руки.

– Она любит тебя, – определенно Страус решил испортить мне настроение.

– Послушай, – устало сказал я, – Ты, вроде, не дурак... Неужели ты думаешь, что что, если бы она меня любила, что так поступила бы?

– Я думаю, что ты слишком...

– Слишком??? – я горько усмехнулся.

– Черный, я все понимаю, – он стукнул рукой по столу. – Ты гордый. Это хорошо. Ты работаешь и учишься в самой Москве. Это тоже хорошо. Получаешь много – это замечательно. Руки у тебя из нужного места растут. Фасадом тебя Бог не обидел. Все это очень-очень замечательно. Ты самовлюбленный индюк, но блин... Ты имеешь на это полное право! Ты это заслужил. Но ты это... Насчет баб ты ваще не прав, братан. Тебе супер-пупер нужна, а не абы кто.

...Мечта! Идеал! Черный, такой бабы, как тебе надо, в природе НЕТ! Ты ее выдумал в своей голове! Пойми, одному в жизни трудно... Я скоро женюсь. Серега тоже подумывает. Нам по двадцать четыре уже, не забыл? А ты... Послушай, вот Анька...

– Я же просил – ни слова о ней!

– Хорошо, но...

– Подожди. Теперь я скажу. Я не собираюсь жениться потому что "пора" или "надо". Я женюсь только тогда, когда буду понимать, что иначе не могу. И только на той, без которой не буду представлять себе жизни. МОЕЙ жизни, понимаешь?

И да. Идеал у меня есть. Она должна быть женщиной. Такой, чтобы ни я, ни ты, – никто – не посмел назвать ее бабой. Красивая – отлично, но это бонус. Главное – мы должны любить и уважать друг друга. И доверять. И понимать. Разве я многого хочу?

– Не знаю, – язык у Страуса уже заплетался. – Я так-то по полочкам не раскладывал, чего хочу от ба... от женщины. Короче, я понял, что дома ты искать невесту не хочешь. Ну и зря.

Городским красоткам ты не подойдешь: слишком правильный, а денег у тебя по московским меркам маловато...

– Переживу. Только вот о невесте я сейчас думаю меньше всего. Мне институт закончить надо и на нормальную работу устроиться... Поздно уже. Ты идешь домой?

– Не, я здесь останусь. Мы с Серегой договаривались.

– А я пойду, – я протянул ему руку, – Завтра вечером заходите. Я, все-таки не святой – не смотря на все твои уверения. С городскими красотками мне не светит. Так что будем искать приключений здесь.

...Я был уверен, что усну, едва моя голова коснется подушки. Не тут-то было. Зануда-Страус напомнил мне о той, которую я всеми силами старался забыть уже несколько лет.

Покрутившись на жестком топчане, я понял, что поспать этой ночью мне не придется. Натянув джинсы и накинув куртку, я вышел на улицу, присел на ступеньку крыльца и закурил.

История, которая произошла со мной, была совершенно заурядной – каких тысячи. Тем не менее, мне от этого было нисколько не легче.

С Анькой, моей одноклассницей и первой красавицей школы, мы встречались с девятого класса, а влюблен я в нее был с тех самых пор, как увидел ее первого сентября в толпе таких же, как я, первоклашек. Не отрываясь, я смотрел на огромные банты в русых косичках, на нарядный белый фартучек, который шила на заказ моя мама, на огромные глазищи – и понимал, что пропадаю. Тогда, отправляясь в первый класс, я меньше всего думал о предстоящей учебе, о трудностях, учительнице, оценках. Я смотрел лишь на нее – красавицу, похожую на великолепную заграничную куклу и замирал от восторга, понимая, что мы будем видеться с ней каждый день. Я был покорен.

Школьные годы принесли мне много новых ощущений: ликование от того, что удалось дернуть ее за косичку, ужасное потрясение из-за того, что после летних каникул оказался ниже нее ростом, торжество, когда снова перерос ее. Восторг, когда она стала обращаться ко мне за помощью в решении задач по точным наукам, когда на турнике я подтянулся больше всех, а она начала мне аплодировать... А когда в старших классах за мной стали увиваться девчонки, она вдруг сама пересела ко мне за парту... Тут, понятно, ощущения изменились: первое прикосновение – удар тока – первое неловкое объятие, первый невинный поцелуй...

Выпускной наш класс отмечал на лесной полянке, где мы расположились с ночевкой. Было так шумно и весело, что никто даже не заметил, как мы с Анькой скрылись в лесу...

Ночь исполнения желаний... Даже цветок папоротника искать не надо... Совершенно ошалевший от счастья, я предложил Аньке выйти за меня замуж. Ни секунды не раздумывая, она согласилась... Вспоминая то время, я понимаю, каким безумцем был тогда – но до чего же счастливым безумцем...

Анька поступила в кулинарный техникум в райцентре, я съездил в Москву, провалил экзамены в институт, вернулся, немного поработал в совхозе и с осенним призывом ушел в армию.

На проводах Анька, заливаясь слезами, долго не могла отпустить меня.

– Я люблю тебя, Сашенька! – горячо шептала она, – Два года – это ведь ерунда, правда?

– Так у меня еще и отпуск будет – через год, – пытался я ее утешить.

– А я... Я буду приезжать к тебе! Меня ведь пустят, да? На присягу! Я же твоя невеста...

Ни о чем не думай и не переживай. Я все время буду думать только о тебе. Ты мне веришь?

– Конечно, милая...

Мы уходили в армию вдвоем – Страус, Серега и я. Наша дружба продолжилась и в армии, но даже от них, от своих лучших друзей, я скрыл письмо, пришедшее всего через полтора месяца службы. И теперь, когда мне было тяжело или тоскливо, я повторял про себя строчки, которые так ошеломили и обрадовали меня: "Сашенька... Я не знаю, как ты отреагируешь на

это... Мы должны решить вместе... Любимый, у нас будет ребенок. Я не могу решить сама и жду твоего решения. Как ты скажешь, так и будет... Люблю тебя"

У нас... У МЕНЯ будет ребенок!!! От моей любимой! Да какое тут "решение" может быть? Я счастлив!!! Я уже предвкушал момент, когда открою следующее письмо, высокомерно посмотрю на парней и скажу дрогнувшим голосом: "Поздравьте счастливого папашу!"

Я в тот же день ответил Аньке, что безумно счастлив, написал, что поговорю с командованием – может, отпустят на денек, чтобы мы поженились? А, может, и вовсе потом отсрочку дадут – как малого-то кормить, если папка служит? Я уже представлял, как буду работать, а вечером приходиться брать малыша на руки, чтобы Анечка немного отдохнула и набралась сил... Мне казалось, что я уже люблю этого малыша... И, конечно, мою Аньку...

Я долго думал, как сообщить новость родителям и попросить их присмотреть за моей невестой, пока меня нет рядом. Как раз в тот день, когда я все-таки решил написать им, пришло еще одно письмо от Аньки. Я весь день не решался открыть его, оттягивая момент – хотелось прочитать его вечером, в спокойной обстановке...

...Я начал читать и не понимал, почему знакомые буквы никак не желали складываться в слова, а слова утратили всякий смысл... Я не понимал ничего...

"Сашенька, прости, любимый, я знаю, я гадина, но тебе лучше узнать это от меня. В общем... Я полюбила другого человека. Там, в райцентре. И еще. Ребенка не будет. Прости, я решила так. Не держи на меня зла."

Я не буду описывать свои мысли и чувства – не хватило бы целой книги, чтобы описать тот ад, который творился в моей душе. Я думал о побеге. Я думал о самоубийстве. Но меня выгнали парни. Я им сказал, что Анька меня бросила – и все. Без подробностей. Если бы они узнали, что она сделала аборт нелегально, на сроке, больше трех месяцев, Анька заимела бы трех врагов, вместо одного – меня. Аборты никогда не приветствовались нашими, а уж на таких сроках...

Да, они ничего этого не знали и теперь думали, что я просто показываю характер, не желая с ней общаться. Она же за прошедшие пять лет успела выскочить замуж и развестись. А теперь искала встречи со мной...

Я прекрасно понимал, что слухи у нас распространяются очень быстро и завтра или послезавтра следует ожидать ее в гости. Она придет. Вопрос в другом: как поступить мне? Продолжать избегать, прятаться или сразу решить все нерешенное? Она вызывала во мне чувство брезгливости, но разговор с ней мог стать тем самым хирургическим скальпелем, который одним махом отсечет всех призраков прошлого. Чистые раны болезненны, но заживают быстро и навсегда.

Анька научила меня двум важным вещам: ни к кому не привязываться слишком сильно и никогда не доверять женщинам. Благодаря ей я превратился из сопливого романтичного юнца в холодного разумного взрослого человека. Я повзрослел и научился защищать свой ум и свое сердце от непрошенных вторжений. Мое сердце стало ледяным – как у Кая...

Хмель из головы выветрился, но мозги лучше работать не стали. Решив, что утро вечера мудренее, я отправился спать.

Как я и предполагал, на следующее утро, едва я успел позавтракать, ко мне пожаловала гостя. Она вошла как-то неслышно, словно материализовалась из воздуха: еще секунду назад никого не было, и вот, подняв голову, я вижу ее. Аньку.

Да, выглядела она превосходно: модная стрижка с разноцветными прядками, неброская косметика... К этой бы красотище – да достойный костюмчик от кутюр, но увы... Одетая Аня была очень скромно: старые, залоснившиеся черные джинсы и свитерок неопределенного цвета, который носила еще в школе.

– Я войду? – незнакомым хрипловатым голосом спросила она.

– Лучше я выйду. – еще не хватало, чтобы наш разговор слышал кто-то из домашних.

– Как скажешь...

Мы вышли и, не сговариваясь, направились в сторону леса. Она не торопилась начинать беседу. Молчал и я.

– Спасибо, что не прогнал, – наконец решила она, а я искоса взглянул на нее.

Вблизи, да еще и при дневном свете, я отметил чуть оплывшее лицо, мешки под глазами... Бессонница? Чем-то болеет? Или... В любом случае, ее красота уже не была такой совершенной, как раньше.

– Сашенька, – начала она. – Послушай... Я виновата. Жутко виновата, но... Жизнь продолжается, да? это была дурь, блажь... Назови как хочешь... – она остановилась и остановила меня, придержав за локоть. Ее длинные ногти были накрашены красным лаком, но он в нескольких местах облез, а пара ногтей было сломано. – Дай сигаретку? – прикурив, она поблагодарила меня кивком.

– Твои извинения приняты. Ты не курила раньше...

– Я и не пила раньше, как ты помнишь... Все у меня не так, Сашка... Есть на свете справедливость, только сейчас я это поняла... Стерва я и дрянь последняя...

– Не надо, Ань. Жизнь продолжается, ты права. Тогда это было твое решение, твой выбор. Я не держу на тебя зла. Я уверен, ты скоро встретишь классного парня, влюбишься... Все у тебя будет хорошо! Пойдем обратно? Я обещал отцу помочь по хозяйству...

– Поймай, ты не понял! – ее глаза как-то вдруг наполнились слезами. – Мне не нужен какой-то КЛАССНЫЙ ПАРЕНЬ! Мне нужен ТЫ! Я тебя люблю! Я тебя любила все это время! Сашка... умоляю, давай начнем все сначала...

– Нет

– Нет??? – она была поражена и даже переспросила: – Нет? Но почему? Я точно знаю – мы любим друг друга!

– А вот тут ты заблуждаешься, – я посмотрел ей в глаза. – Не вынуждай, пожалуйста, говорить тебе не очень приятные вещи. Тебе сейчас больно, но будет гораздо больнее, если я начну объяснять. Не хочу вдаваться в детали. Пожалей себя и свою гордость. Прости, но я правда должен идти...

– Саша! – она схватила меня за руки и попыталась опуститься на колени прямо в грязь дороги. Предугадав этот маневр, я удержал ее: – Сашенька, милый! – она прижалась к моей груди – Ты... ты сказал, что простил меня... Так почему же... Я хочу знать! Объясни, прошу!

Я дал ей некоторое время успокоиться, а потом заговорил, стараясь максимально необходимо объяснить девушке, что она мне не нужна. Вообще.

– Ань, я на тебя не обижаюсь. Но... я больше тебя не люблю. Не уважаю. И – самое главное – не доверяю. Мне кажется, что этим разговором ты преследуешь какие-то свои цели... Ты действительно думаешь, что мы можем на это закрыть глаза?

– Конечно, любимый! Ты со временем поймешь, что я изменилась. Только дай мне шанс! Я вот тоже тебе не слишком верю... Я думаю, что ты только из-за своей дурацкой гордости не можешь признать, что любишь меня по-прежнему... Давай-ка проверим... – Анька крепко обняла меня и страстно поцеловала, а ее рука скользнула к моему брючному ремню...

– Нет, – я отстранил ее, удивляясь отсутствию хоть какой-то реакции на близость ее тела. – Прости. Я не только не люблю, но даже не хочу тебя – если ты хотела привлечь меня именно этим. Мне уже не семнадцать лет. Ты не слышишь меня... Прощай. Я пойду.

Я успел отойти на несколько шагов, прежде чем она заорала дурным голосом:

– Ах ты козел! Да нужен ты мне очень! Импотент проклятый! Да пошел ты!.."

Дальше красавица и вовсе перешла на непечатные выражения вперемешку с угрозами в мой адрес. Я ушел достаточно далеко и не старался прислушиваться, так что до меня долетали лишь отдельные слова.

Я поздравил себя с тем, что принял верное решение: randevу принесло мне огромную пользу. До этой встречи в моей душе еще жили тоненькие ростки прежней, огромной любви. Теперь они вырваны с корнем. И к лучшему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.